

ЗА РУКОПЛЕЩЕТ: НА ТРИБУНЕ Н. С. ХРУЩЕВ

В ПЕРЕРЫВЫЕ заговорили, что, вероятно, сейчас — да, да, в двенадцать дней, — на совещании выступит Никита Сергеевич Хрущев. Восторг овладел всеми. Подтверждение старались найти в том, как — незадолго до перерыва — Никита Сергеевич (заметили, с папкой!) прошел на свое место. Выступит!

Александр БЕК, Наталья ЛЮНКО

Заторопились обратно в зал. Что же скажет Никита Сергеевич? Скоро ли? Движение стрелки на круглых больших часах видно каждому. Нетерпение, ожидание прорываются в песне. Ее затеивают один-два голоса: кто-то там и сям присоединяется; песня звучит нестройно; вот-вот оборвется: нет, она крепнет, набирает силу. Отчетливы не только протяжные мотивы, но и каждая фраза, каждое слово «Полюсовских вечеров».

Еще минута, и весь зал, более двух тысяч человек превращается в мощный слаженный хор. Не так ли возникло, окрепло, обрело мощь молодое движение, передовики которого съезжались сюда, на первое всесоюзное совещание? Не так ли задно, в едином ритме, возникают и творятся наши знаменитые дела? Не проглянула ли и сейчас характерная черта советского народа — его удивительная способность к организованности, способность, не рождавшаяся сама собой, а воспитанная партией, революционным опытом, которого не ведал прошлый век.

Слово предоставлено товарищу Хрущеву. Зал встает, рукоплещет. Аплодирует и Никита Сергеевич. Этим он как бы отстраняет от себя бурю приветствий, отходя ее к народу, в собравшихся здесь передовиках. Стихия аплодисментов никак не может утихнуть. Однако и она вдруг приобретает организованность — две тысячи пар ладоней начинают мерно хлопать в такт. Ритм подобен шагу — мерной поступи железных батальонов рабочего класса.

Поднялись с мест гости в дипломатических ложах, часть их стоит недвижно, часть смеет, открыто аплодирует. В ложе иностранной прессы некоторые — и их немало! — тоже рукоплещут. Видны безудержные улыбки на смуглых лицах женщин.

Смотряшь и думаешь: на глазах изменяется понятие «иностранный корреспондент». Среди них немало журналистов братской или сочувствующей прессы. Это наши друзья. Мы уже давно не одиноки на плакате.

Никита Сергеевич слегка склоняется над принесенными с собой листками. Зал утихает.

Внятно, даже раздельно товарищ Хрущев читает выдержку из Ленина. Выдержку, в которой по ленинскому манеру дважды повторены главные для его мысли слова:

«Начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, в которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества».

Цель! Это короткое, но будто написанное с большой буквы слово, сейчас полчеркнуто голосом, интонацией читающего. Подчеркнуто оно и воодарившейся в зале тишиной.

Усилители-репродукторы отчетливо доносят речь. Оратор говорит, не напрягая голоса. Говорит живо, спокойно, опер-

Грядущей победе и посвящена заключительная часть речи. Никита Сергеевич возвращается к вопросам хозяйственного строительства. С гордостью, с радостью слушает зал, как выполняется то, что провидел Ленин:

«Недалек тот день и час, когда весь рабочий класс, все колхозное крестьянство нашей страны будут высокообразованными людьми. Ведь уже сейчас есть десятки фабрик, заводов, совхозов, где все участвует, где реально стирается грань между людьми умственного и физического труда».

Слова эти относятся, пожалуй, ко всем участникам совещания. Многие утвердительно улыбаются, согласно кивают. Еще бы, кто из них не учился!

После слов звучат здравия. Вот и здравящая:

— Да здравствует коммунизм! Снова весь зал на ногах. Гаскаты аплодисментов. В обмен гуле можно различить звонкие выкрики:

— Да здравствует Центральный Комитет Коммунистической партии!
— Да здравствует родное Советское правительство!
И снова и снова:
— Да здравствует коммунизм!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Год издания 32-й № 64 (4189). Вторник, 31 мая 1960 г. ЦЕНА 40 КОП.

ДОСТОИНСТВО. СМЕЛОСТЬ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ИЗ ЛОЖИ прессы Большого Кремлевского дворца трудно отчетливо разглядеть черты лица человека, выступающего с трибуны. — Далеко. Но мне кажется, что где-то на северных стройках я встречал этого высокого худощавого юношу. Или очень похожего.

Владимир Наседнин. Москва. Два года назад с группой друзей-сверстников добровольно уехал в Сибирь, на строительство железной дороги Абанан — Тайшет.

Характерно, как он говорит. Без риторики, с неподдельным внутренним пафосом. Рассказывает, как приходилось порой работать по колено в грунтовой воде, на ветру, когда на спелках замерзали брызги.

«Не скрою: хотелось бросить все и уйти. Но мы не ушли. Пауза. И всякий понимает, что недосказано Наседниным».

«А сейчас мы гордимся, что стали сибиряками. Мы приехали туда не на год, не на два, а на всю жизнь!»

Взрыв аплодисментов. Настоящий комбригадонец. Романтик дела, а не фразы.

«Многие наши парни женились на девушках из своих бригад. Это будут прочные семьи. Потому что любовь наших парней и девчат скреплена дружбой».

В перерыве в кулуарах дворца разговаривая с молодым изобретателем Алексеем Мамонтовым. Тонкое бледное лицо, негромкий голос, дымящийся папироска в пальцах. Я знаю, что этот внешне спокойный человек задумал вместе со своими друзьями по Уральскому алюминиевому заводу ни мало, ни много — революционный переворот в электролизном производстве.

Летом прошлого года я был в Камеке-Уральском, когда бригада Мамонтова испытывала приборы и разрабатывала схемы такой переделки технологии производства алюминия, которая позволит совершенно избавиться людей от тяжелого и вредного физического труда у электролизных ванн.

«Помните наш третий корпус? — спрашивает Мамонтов. — Работает там сейчас двадцать человек в смену. Если удастся внедрить нашу схему, понадобится только дежурный технолог и дежурный приборщик, а производство возрастет в три раза».

Спрашиваю Алексея, какие новости в его личной жизни. Он рассказывает о бригаде. Это и есть его личная жизнь. Можно порадоваться за Анатолия Мишенина: стал дисциплинированным в быту, приобщился к общественной работе. У Маша Чулуниной родился сын, поздравляла ее вся бригада. Геннадий Кашин поступил в институт.

Фото С. Смирнова и К. Толстинова

Участники Совещания с огромным подъемом приняли резолюцию, в которой сказано: «Мы, участники Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, заслушав речь Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, горячо одобряем внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства».

Эта политика, выражающая интересы широких слоев народа, строящая коммунизм, пронизанная беспредельной заботой о могуществе нашей Родины, о благополучии каждого ее труженика, о сохранении прочного мира на всей земле.

Мы всецело одобряем и поддерживаем позицию, занятую в Париже главой нашего правительства Н. С. Хрущевым, и единодушно благодарим его за проведение принципиальной миролюбивой политики, за последовательную и активную борьбу, направленную на сохранение мира и разоблачение проклятых действий империалистических кругов США».

Никита Сергеевич сегодня вспомнил крылатые слова о коммунизме, как молодости мира. Чувство молодости одинаково присуще всем ударникам коммунистического труда, как бы они ни различались по возрасту. Прекрасно это неразрывное единство всех поколений революции!

Отлично сказал секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ С. Павлов: «Наша партия живет и трудится для народа, она всегда с народом. Вместе с нами в работе совещания участвуют члены Президиума Центрального Комитета КПСС, Никита Сергеевич Хрущев. Как нам не гордиться такой партией! Как нам не стоять за ее дело горой, не щадя сил и своей жизни!»

Павлов выразил настроение всего зала. Старые большевики недаром говорят, что зная революцию держат крепкие руки молодых.

«Нам кажется, что западные дипломаты и иностранные корреспонденты, которые двадцать восьмого мая присутствовали в Большом Кремлевском дворце, не могли не понять смысла волнующей патристической манифестации, когда мощный хор голосов скандировал: «Правильно! Правильно!» — откликались на призывы, ясные, полные достоинства и пронизанные бесопытным сарказмом по адресу врагов мира слова главы Советского правительства».

«ОСЛЕ воскресного перерыва «парламент-труда» собрался 30 мая на заключительное заседание. Влек золотых звезд Героев Социалистического Труда, сияние трудовых медалей на груди сотен участников совещания вносил новую праздничную краску в знакомую картину».

На трибуну сменились машинист В. Блаженко и сталевак П. Махота, министр обороны маршал Советского Союза Р. Малиновский и студентка Г. Мазаева, президент Академии наук СССР А. Несмеянов и нефтяник А. Джафаров...

«Все, что было сказано с трибуны совещания, нашло свое яркое воплощение в единодушно принятых документах — в приветствии Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, в резолюции, горячо одобряющей внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, и в Обращении ко всем трудящимся Советского Союза».

«Как девиз на развернутом знамени величия движения современности, звучит слово из Обращения: «Социалистический труд подлинно всенародный! Совещание закончено. Доброго пути и дальнейших успехов, друзья!»

В ЛЕДОВОЙ ПОХОД Черно-белая громада ледакола разворачивается на реиде. Над гладью залая проносятся три прощальных звука. Атомный ледакола «Ленин» уходит в ледовый поход.

Итак, впервые в истории борьбы с зуровой Арктикой человек применил силу мирового атома.

На пути в Мурманск ледакола пришлось уже столкнуться со льдом. Конечно, балтийский лед — это не арктический, но для Балтики лед был довольно мощным. И все же ледакол его проходил очень легко, далеко не используя своей мощи. В общем, как говорится, этот лед ему был, «это слону дробинка». Однако загадывать не будем. Теперь и «до настоящего дела» ждать не долго.

Во время стоянки в Мурманске была проведена профилактика, моряки ледакола получили снабжение, готовились к этому сложному рейсу и, принимая бесконечные экскурсии. Те, кто побывал на ледаколе, конечно же, расскажут по городу и по всей стране о нем. Это будут рассказы о саюках, злых дневных светилах, отдаленных полярных карельских берегах; о кокегах в белых халатах. О молодых и растопленных людях, несаящихся этой корабль-горой.

Ведущие фото- и фотокорреспонденты уже не раз облизали весь парод от кила до кюлика в поисках «материала», и от них команда начинает потихоньку прятаться. Уже отсняты первые километры пленки фотокамер, кюжуркала и полнометражного научно-популярного фильма. Уже первые фотоснимки пошли по судовому радиотелеграфу прямо на Москву...

«И вот, наконец, 29 мая 1960 года — ясный, солнечный день. Торжественная минута: отдан последний швартов».

Атомный ледакол «Ленин» вышел в первую ледовую экспедицию для разведки ледовой обстановки в Арктике.

Сверху, из ложи прессы, видно, как много здесь молодежи — выходящие волосы девушек, русые пряди паней, тонкие черные косички, тубейки молодых узбеков, таджиков. Но видны и побеленные седины головы.

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В МОСКВЕ продолжается Декада молдавского искусства и литературы. Москвичи увидели новые спектакли, привезенные молдавскими театрами. С большим успехом прошли балеты «Рассвет» и «Сломанный меч» Молдавского государственного театра оперы и балета. Русский драматический театр имени Чехова показал спектакли «Пушкин в Молдавию» и «Когда зрел виноград», а Музыкально-драматический театр имени Пушкина — драму «Овидий» и комедию «Сверчок с тремя невестками». В Кремлевском театре выступил ансамбль народного танца «Юнок».

ДЕКАДА МОЛДАВСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

В ближайшие дни москвичи познакомиться с оперой «Сердце Доминик» (музыка А. Стырич, либретто А. Гужела) в постановке Молдавского государственного театра оперы и балета. Пьеса Ем. Букова «Урающий Дунай» пойдет в Музыкально-драматическом театре. Выпускники молдавские театральные училища имени Щукина показывают две премьеры — «Космический вечер» и «Сладкий костюм» и лирическую комедию К. Кондря «Полдень в саду».

ЖУРНАЛ — ПЕРЕД ЖУРНАЛИСТАМИ

На днях в Центральном Доме журналиста состоялась интересная встреча: сотрудники журнала «Знамя» сделали своего рода отчет перед работниками советской печати. После вступительного слова главного редактора журнала В. Кожемякина о планах «Знамени» и о работе редакции рассказали заместители главного редактора В. Сучков.

Вчера опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности, в котором предусматривается резкое увеличение в ближайшие годы производства бумаги, картона, целлюлозы и изделий из них».

Редация «Литературной газеты» обратилась к руководителям некоторых предприятий целлюлозно-бумажной промышленности с просьбой прокомментировать это постановление.

М. А. МАКУШИН, директор Соликамского целлюлозно-бумажного комбината:

«Это очень правильное и очень своевременное постановление. Действительно, наша отсталость была до последнего времени одна из самых острых. Устаревшее оборудование, старая технология — обо всем этом уже достаточно писалось. Сейчас, когда мы с вами разговариваем, на всех участках нашего предприятия рабочие тщательно изучают каждый абзац постановления. Там ведь и о нас сказано. К 1965 году комбинат должен увеличить производственную мощность по выпуску газетной бумаги в 2,5—3 раза. Так записано в постановлении. В ближайшие дни наш коллектив примет на себя обязательства и обращение к родственным предприятиям. Что это будет за обязательства и какое обращение — до собрания точно сказать не берусь. Но вот что мы собираемся сделать в ближайшее время, сообщить могу. К концу этого года мы модернизируем старые бумажные машины, повысим их скорость с 400 до 550 метров в минуту. Это даст нам дополнительно 36 тысяч тонн газетной бумаги в год. А в последующие четыре года планируем установить в две новые машины, каждая из которых будет давать стране 110 тысяч тонн бумаги ежегодно».

Г. Г. БОЙКОВ, главный инженер Нондопозского целлюлозно-бумажного комбината:

«Большые перспективы открывает постановление перед нашим предприятием. Шутка ли: мы должны увеличить производство газетной бумаги в пять с лишним раз! Ныне мы пустились в дело новое, четвертую по счету машину. В будущем году в производство будет включена еще одна машина. Какая у них скорость? Вполне современная — 630 метров в минуту. А вот в 1962 году планируем ввести в эксплуатацию совсем замечательную машину: ширина полотна у нее будет 7 метров, а скорость — 750 метров в минуту. Но перспективы — перспек-

С Д Е Л А Е М!

тивными, а действительность — действительностью. Новые производственные мощности ведь не поставишь под открытым небом. Нужны помещения, цехи. А вот со строительством на комбинате дело явно не клеится. Его ведет очень слабая организация, которая из года в год не осваивает средства. Что это за организация? Строительно-монтажное управление Карельского совнархоза. Понимаете, как будто бы все есть: техника, материалы, деньги. А вот людей не хватает, особенно специалистов. Но я думаю, что теперь положение изменится. Постановление партии и правительства касается ведь не только нас, непосредственно занятых выпуском бумаги, но также партийных и советских организаций, строителей, поставщиков. И печатать наша, мне кажется, должна брать сейчас выполнение этого постановления под свой неослабный контроль. Тогда то, что нам предназначено, мы выполним и даже раньше намеченных сроков».

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Борт ледакола «Ленин». (По радио)

КОГДА ДЕТИ НЕ БУДУТ ИГРАТЬ В ВОЙНУ...

Дневник ПИСАТЕЛЯ

Екатерина ШЕВЕЛОВА

НА СЕГОДНЯШНИХ улицах, стиснутой выскочившими серыми ящиками-домиками, стояли круглые, похуже на громадные гильзы от патронов, ящики для мусора. В них забралась ребятня, кидая друг в друга очистками и стреляя из воображаемых ружей. Вдали, в просвете между домами, виднелся Бродвей. Отсвет его был похож на зарево — может быть, потому что дети в мусорных ящиках играли в войну.

В одном из серых домов — квартира Войны, автора прославленного романа «Овод». Мы — трое москвичей и американец, служащий конторы известного антрепренера Сола Урока, — шли к писателю. Я остановилась сфотографировать ребенка и надолго задержалась, глядя на них. С искренним удивлением американец спросил меня: — Что тут необыкновенного? Дети играют в войну...

— Что тут необыкновенного?.. Не знаю. В самом деле, во всем мире испокон веков дети играют в солдатиков, в битвы, в погоню за врагом. Во всех больших городах на земле есть улицы без зелени и похуже на высокие ящики дома. И все же...

В СТРЕЧЕ с детьми занимают особенное место в жизни человека любой профессии. Есть удивительное свойство у таких встреч: незаметно подводят они нас к самым современным политическим и экономическим вопросам, к самым «вечным» вопросам счастья, любви, жизни, смерти.

В Калькутте, в каменной тесноте и духоте, есть широкий размах поля, окаймленного деревьями, так называемый Майдан. Порой ринка валится от дождя здесь на жесткую жаркую щетинку травы.

Нередко рабочие собираются сюда на митинги. Почти под каждым деревом здесь — «квартира» или «ресторан». Люди почуют под деревьями. Люди варт на каменных очагах рисовую похлебку и торгуют ею. По Майдану бродят бездомные священники и коровы и бездомные собаки.

На Майдане не мне осторожно приближался популярный топик пс. За ним пошел мальчишка лет двенадцати — худой, полубогаженный, как будто нарисованный острым кусочком угля на горячем утреннем небе. Голодные, кричащие глаза ребенка смотрели на меня недоверчиво и с любопытством. Топик пс глядел недоверчиво, без любопытства.

— У меня тоже была собака, она погибла, — сказала я просто для того, чтобы, по привычке корреспондента, завязать разговор.

— От голода умерла собака? — спросил на ломаном английском голодный ребенок.

— Нет. Случайно погибла. Мальчишка еще более недоверчиво взглянул на меня. Видно, в его ребяческом сознании смерть была прочно связана с голодом, и какому-либо другому смертию он пока не признавал. Потом он спросил с какой-то хмурой застенчивостью:

— У англичан, в их стране, собаки сытые, да?

Я догадалась: мальчишка так просил подаяние. Голод, оставленный английскими колонизаторами в Индии, заставлял ребенка всячески охотиться за «бакшишем». Гордость, пробужденная в стране, ставшей независимой, уже не позволяла просить милостыню иначе — проще и настойчивей.

— Все собаки сытые, да? — повторил ребенок.

Мне стало стыдно за англичан, и, хотя это было не очень педагогично, я дала мальчишке रुपию.

Как часто мы говорим и пишем о тяжком наследии колониализма в разных странах, о бесчеловечности системы, классифицирующей людей по оттенкам кожи и низводящей человека до уровня животного, о напряженных усилиях народов добиться полной независимости.

Двенадцатилетний индийский мальчик, разумеется, не произнес ни одного слова о колониализме. Ко мне не подошел в ту минуту ни отец ребенка, ни ринка, ни случайный прохожий, ни шофер такси — никто из тех жителей Калькутты, которые могли бы подкрепить рассуждениями и даже цифрами и цитатами простенькую фразу ребенка о живущей в его воображении предельно сытой Англии.

Не только ни один взрослый не подошел ко мне на Майдане, — мне не припомнилось ни одна цифра статистики колониализма. Передо мной были просто голодные, кричащие глаза ребенка.

БЕСЕДЫ с детьми обычно немногословны. Пароход «Австралия» шел мимо темных, будто железных скал. Потом среди скал появились красивые белые здания над морем. Потом нас, пассажиров «Австралии», встретила каменная плита с надписью: «Английская колония Аден. Население — 150 000 человек».

Потом белые здания оказались городком белых. Дальше — раскаленные скалы и убогие жилища, более похуже на пещеры или звериные норы. Это — город местных жителей, арабов, «черный город», как окрестили его колонизаторы. От жилищ-пещер до белых домов — шесть миль. Отличные шоссе и никакие тротуары. И, конечно, никаких трамваев или автобусов. Так, словно и не существует в Адене местных жителей-пещеродов, а «живут» только быстрые удобные английские машины. Для которых — пожалуста — шоссе! Я решила пойти пешком от жилищ-пещер до белых зданий. Впереди меня шагала мальчик-араб с большой закрытой корзиной, — видно, нес что-то на продажу в порт. Все произошло очень быстро: легковая машина вырвалась из угла, мальчик шаркнулся в сторону и ударился о камни. Потом он встал и пошел дальше, сильно прихрамывая и волоча корзину по огненному асфальту. Я поравнялась с ребенком. Он

ОНИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Родился Человек. Родился властелин мира. Родился тот, кто заставит землю зеленеть вечно, заселит другие планеты, познает дивные тайны неведомых миров. В его глазах — счастье будущего. А в глазах той, что дала ему жизнь, — радость материнства, и страх тысяч ушедших в вечно, заселит другие планеты, познает дивные тайны неведомых миров. Что ждет ее сына? Будет ли он счастливым? Фото Ю. Бергса и В. Вайнштейна из датского фотоальбома «Дети на земном шаре».

— Москва! Москва! Вдруг ребенок что-то понял. Он закивал головой и, указывая на меня худой черной ладошкой, не очень разборчиво повторил: «Москва»... В самом деле, ведь он, еще никогда не слышавший о советской столице, только так и мог понять это слово — как мое имя. И как просто — один жест и одно лишь слово ребенка способны напомнить нам о высокой ответственности каждого из нас, советских людей, граждан великой державы, за свободу и независимость народов, за суверенитет стран, за счастье людей!

НЕДАВНО я встретила русскую женщину — журналистку, прошедшую по дорогам войны как рядовой солдат, побывавшую в огне родного движения во многих странах.

Жизнь сделала ее резковатой, прямой, бесстрашной. И вот я услышала, как женщина разговаривала с девочкой семи лет:

— Дител стучит на дереве. Я спросила: где Марина? А ему сперху не видно. Майский жук гудит. Высоко над березами летит звезда...

Как обычно, слова этой женщины звучали резковато и точно. Жизнь не учила ее подлаживаться под ребячий слух. А Марина глядела на рассказчицу восторженными голубыми глазами, ибо в резковатых и точных словах было то, что распаховало перед ребенком русскую природу и чистое небо с летящими меж звезд космическим кораблем.

Пусть же вырастает дети всех стран под чистым звездным небом!.. Но как много еще нужно сделать, чтобы небо это не закрывали грозовые тучи!

Мне довелось побывать в городском музее Монреалья на выставке детского творчества. В большом зале всю широкую стену занимала картина «Гибель» — коллективная работа тринадцати подростков. Дети изображали столпившихся в бомбоубежище рабочих в комбинезонах. Фигуры людей изогнуты, искривлены как бы от ужаса... «Атомная бомба» — название другой картины. «Атомная война» — название рисунка... Ужас перед войной, почти психическое потрясение отражаются в этом детском творчестве.

«Из всех опасностей, угрожающей детям, самая ужасная — война — не устранена», — говорится в декларации Международной демократической федерации женщин и Всемирной федерации демократической молодежи в связи с десятой годовщиной Международного дня защиты детей.

— Дети играют в войну.

— Что здесь необыкновенного? — спросил меня когда-то американец. В самом деле, что же было необыкновенного в той встрече? Источенные ребятишки богатой Америки забирались в мусорные ящики. Рядом с Бродвеем, переполненным до самых своих блестящих краев всевозможными игрушками... И это в то время, когда на весь мир прозвучал голос Н. С. Хрущева о создании нового мира — без войны, без оружия. Мира, в котором не было бы войны даже в детских играх!

ОНИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Но Человек пока убежден, что ему доступно все. С таким восторгом рассказывает он о своей мечте — стать летчиком или, на худой конец, шофером. И к тому же он сочиняет стихи о полете ракеты.

ФЕЛЬТОН

ОТ ЖЕНЩИНЫ ушел муж. Супруги были еще совсем молоды, зелены, неосмотрительны, и вот однажды после первой же ссоры жена сторчала написала заявление в глаза учреждения, где работала. В этом обличительном документе было 59 пунктов. И перечислялись все грехи молодого человека. Он толкнул ее якобы случайно, и она пролила чашку чая; юной милой соседке, волокита эдакий, сказал: «Эх, где мой двадцать лет назад!» (хоть ему было немногим больше двадцати); однажды он пришел домой в половине первого ночи и на вопрос, где был, сказал: «У одной знакомой»; и так далее. К счастью, глава учреждения обладал юмором, знанием людей и умением читать между строк. Он сказал: «То, что вы из глупой фанберни можете наговорить на себя черт знает что, это я знаю. То, что у вашей жены нет юмора, мне ясно из ее письма. Я не могу понять одного: как можно жить с женщиной, способной сразу же, без малейшего серьезного основания, написать гнусный донос...»

Молодой человек задумался. В самом деле, каких только не бывает случайностей в жизни. Ведь можно засидеться допоздна и не с друзьями, как было в прошлый раз, а за мирной беседой с женщиной; можно, выходя из дому, и милую соседку взять под руку, если на улице гололедец; можно в раздражении, неосторожно повернувшись, опрокинуть не только чашку чая, но и кастрюлю с борщом. И в этом случае будет жалко не только борщ, но и себя. Другой, лишенный человечности начальник немедленно поднимет этот борщ на принципиальную высоту и пойди потом докажи, что опрокинул кастрюлю нечаянно, что со знакомой ты увлеченно разговаривал обо всем на свете, а соседку взял под руку только потому, что дворник не посылал песком тротуар перед домом. Супруг собрал вещи и ушел от жены.

И сейчас эта старая, дряхлая, ожесточенная женщина живет одна. Но, вероятно, даже в самые горькие часы одиночества она ни в чем себя не винит, она даже и сейчас не подозревает, что причина всех ее бед — она сама, ее неуважение к чести и достоинству самого близкого человека. А стали они далекими именно потому, что у мужа

Человека обидели..

В. СУХАРЕВИЧ

и жены разные представления о чести. Ведь у одного это как бы врожденное чувство, а другие считают вполне естественным написать беспричинный донос для острастки, оскорбить, обидеть человека из озорства, облить грязью в приступе животной злобы, забывая, что даже самые мелкие проступки, в которых есть оттенок подлости, предательства, глумления над честью, люди не прощают...

В нашу жизнь вместе с образованием, истинной свободой, гражданским самосознанием пришла и истеричность во всякой кринде, оскорблению личности, бесчестной клевете. Господское высокомерие и хамство кончатся вместе с представителями этого сословия, и если проявляются они где-нибудь, то как дурная отрыжка прошлого. Но разве не позорят свободного человека рабские замашки — грубость, невежество, брань, тупое издевательство над человеком? Народ говорит: не дай бог из хамы пана. Но сколько еще терпят люди самых разных профессий, люди, которые ежедневно нам усердно служат — продавцы, официанты, работники транспорта, коммунальных и лечебных учреждений, — от ничтожных людей, воображающих себя панами. Шенюк-мальчишка говорит старику официанту, введя в старушка заставляет раскрывать отрывной штабель сыра, чтобы получить свои особенные сто граммов, десятку недуг чувствует в себе дородный мужчина и рычит, если врач без труда устанавливает только один — симуляцию. Такие люди и к жалобным книгам прибегают редко — запись уже документ, и напечатать нетрудно установить, но они поносят ни в чем неповинных людей, унижают их человеческое достоинство, чувствуют себя господами положения, тогда как на самом деле они рабы своих дурных характеров, привычек, отравительных пережитков прошлого. Нетерпимостью, презрением, огнем сатиры надо окружить таких людей в нашей стране, где все служит счастью и благо человека.

Такой подлинно гражданский гнев прозвучал недавно в письме рабочего

жант в милицейской комнате переписывал их адреса и фамилии — все они оказались рабочим заводом «Научуч», — а у них спрашивал:

— Скажите, ребята, почему вы привязались ко мне, пожилому, присевшему человеку? Что я вам сделал, чем не понравился?

Продолжительное молчание. А когда сержант сказал: «Паша, объясни мне...» — главный заводила сел за стол и, не задумываясь, начал строчить, и стало ясно, что для него это вполне привычное дело. Я прочитал этот документ и изумился. За полчаса парень сначала показал себя как хулиган, нагло пристал к людям, потом как трус — сбегал от одного удара судимой, затем прохромом — готов был втроем наброситься на одного и, наконец, лжецом: в объяснении было написано, что мы «пензенцы выражались», расплаивая принесенные с собой напитки и, наконец, задевали его — отважного мущинера. На лице его была написана твердая решимость и в дальнейшем продолжать эти развлечения за счет ближних. За такие поступки не судят, не бьют голову и даже пяти суток ареста не дают. А на то, что он лишь лжецом, отдала, испортил хорошее настроение ни в чем неповинных людей, ему и его друзьям напевать. А сколько их, таких наплевистов, гуляет вокруг пивных и ресторанов!

И сколько мук, никому неведомых горестей и слез вызывает у хороших людей, просто из желания насолить. Нельзя не радоваться тому, что с каждым днем все чаще и чаще хулиганы, завистники, спесивые индюки, мелкие сплетники и пакостники, подглядывающие в замочную скважину за нашей жизнью, получают яроостный отпор.

Нет для них суда уголовного, но есть теперь общественные товарищеские суды, и долгу людей, избранных в блюстители чистоты и нравственности общества, — жестоко и бесчестно карать всех, кто ежедневно на улице, в общественном месте, в коммунальной квартире глумится над честью и достоинством советского человека, наносит ему неза заслуженные оскорбления.

12 МИЛЛИОНОВ? ЛИТЕРАТОР НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

12 МИЛЛИОНОВ ЖДУТ

12 МИЛЛИОНОВ? Имя этого таинственного количества зрителей, смотрящих сейчас передачи Центральной студии телевидения. Чего они ждут? Хороших телепередач. Как сделать, чтобы они, наконец, в достаточном количестве появились? Вот об этом и говорилось на расширенном заседании президиума правления Московской организации Союза писателей.

Наконец, состоялся разговор, который и писатели, и работники телевидения единодушно назвали переломным, знаменующим начало новой эры в их отношениях. В каждом выступлении прозвучавшем на этом, прошедшем под председательством В. Галкина заседании, чувствовалось ясное сознание того, что телевидение сегодня становится важным участником работы писателя.

Постановление Центрального Комитета КПСС о дальнейшем развитии советского телевидения определило основные направления этой взволнованной товарищеской беседы. На телевидении должен стать центральным фигурой писатель-публицист, остро чувствующий приметы времени, умеющий обобщить свои наблюдения над жизнью. Между тем, как говорили председатели репертуарного совета по телевидению при бюро секции драматургов А. Первенцев, его заместитель Ц. Соколов, Е. Рябчиков, многие писатели пока еще вяло, без особой охоты идут на телевидение.

А кто, как не писатель, должен увлекательно, захватывая восторженно, как важнейших событий современной жизни! И, как верно заметил В. Захарченко, писатель не может быть случайным гостем на студии. Необходимы постоянные комментаторы, которых зритель будет знать, ждать и любить. И нужно, чтобы через час, через два после важного события они выступали с живым и острым комментарием к нему. Между тем, указывает А. Безымянский, на телевидении еще живет какая-то робость перед газетными формами работы.

В передачах, посвященных политическим, научным и морально-этическим проблемам, особенно важен поиск новых средств, новых способов увлекательной, своеобразной подачи материала. Когда же телевидение исходит не из своих богатых возможностей, а копирует, подражает, то всегда получается плохо. Как пример В. Арзамасский разобрал одну из последних передач с Красной площади, когда комментатор, целиком копируя приемы радио, подробно описывал, что зритель собственными глазами видел на экране.

260 часов в сутки

— Столько в общей сложности будут занимать в самые ближайшие месяцы передачи всех телестудий нашей страны. Значительная часть этих передач должна быть посвящена литературе и искусству. Как содержательно заполнить эти часы? Вот самый острый, болезненный вопрос. Демонстрация кинофильмов? Но даже, если показывать все вновь выходящие фильмы, их хватило бы на небольшую часть этого времени. Театральные постановки? Но театры предпочитают давать на студии только старые, отыгранные спектакли, мотивируя это тем, что якобы после показа постановки по телевидению зритель перестает на нее ходить. Здесь, однако, прав заместитель председателя Государственного комитета по радио- и телевидению при Совете Министров СССР В. Пахомов, замечая, что ходить перестают на плохие спектакли. «Порт-Артур» А. Степанова и И. Попова уже почти сошел со сцены, когда Малый театр решил показать его по телевидению. Однако спектакль настолько понравился зрителям, вызвал такой интерес, что начал вторую сценическую жизнь.

Ненормальные отношения театров и телевидения, конечно, должны быть урегулированы. Но как бы то ни было, телевидению, очевидно, нужно стремиться создавать как можно больше своих собственных оригинальных постановок и телефильмов. И здесь опять-таки решающее слово за писателями.

Ц. Соколов в своем содержательном докладе привел цифры: за прошедший год на телевидении создано 37 оригинальных драматических постановок.

Из них 24 на современные темы. В этом году уже создано 23, из них современных 11. На первый взгляд неплохо. Однако обобщая эти цифры, мы должны обратиться к тому, что подавляющее большинство этих работ — инсценировки. Если, по замечанию редактора телевидения Г. Младковской, уже имеются специальные теле-редакторы, тележурналисты, то теледраматургов все еще нет. Большинство писателей еще, к сожалению, не понимают, что родился принципиально новый жанр, открывающий огромные возможности для общения с широкой аудиторией, для творческих поисков. И, во-вторых, писатели отлучаются от телевидения, что инсценировки производятся порой дельцами безответственно, наспех. Рассказы, повести попадали к телезрителям иной раз в таком виде, что их не узнавали сами авторы. Именно так произошло с писателем Г. Радовым, когда его пригласили на последнюю репетицию телеспектакля по его рассказу «Теща». Как сообщил «потерпевший», деревенский колорит его произведения придал прототипу его уснащения речи персонажей словечками типа «чаво», «чай» и т. д., хотя действие происходит на Кубани. Авторского текста в этом «чаво-чае» сценарии осталось чрезвычайно мало. А в довершение всего драматический финал был заменен разудалой пляской. Самое же обидное, что предпринять что-либо было невозможно, так как спектакль был закончен, половина его отснята на пленку, а автора в общем пригласили для формальности, для отчета. — К счастью, — сказал Г. Радов, — судя по постановке моего второго рассказа, дела на студии теперь улучшились.

Литературные произведения сейчас доходят до телезрителя главным образом в виде инсценировок. Между тем, как правильно отмечалось, стоит подумать над тем, чтобы телевидение непосредственно передавало лучшие произведения современной прозы и поэзии. Именно здесь должен быть создан литературный театр, о котором мечтали многие наши выдающиеся поэты. Телевидению вообще следует больше обращать внимания на пропаганду современной литературы. Как говорил А. Борщовский, разговор о литературе — это всегда и разговор о жизни, роль произведения затрагивает серьезные проблемы действительности. Важно только, чтобы было желание, настоящее знание литературной жизни, профессиональное мастерство. И здесь приходится говорить о кадрах телевидения.

Глазами Маяковского

На этой встрече был высказан целый ряд справедливых, полезных суждений, предложений о формах участия литераторов в работе Центральной студии телевидения. Все они были объединены в принятый президиумом правления Московского отделения Союза писателей РСФСР постановление.

Один из выступивших рассказывал, что, когда готовили это совещание, не мечтали будущие мероприятия, кто-то сказал: вот если бы Маяковский мог выступать на телевидении. Давайте на взгляд на все это глазами Маяковского. И действительно, когда думаешь о телевидении, об этом новом искусстве, являющемся трибуной, с которой можно разговаривать с миллионами, кажется, что оно специально создано для Маяковского. Да, поэт, привыкший жить в «буче, боевой, кипучей», бесспорно увидел бы в телевидении «оружия любимейшего род». И хочется верить, что традиции Маяковского, традиции пламенного, боевого искусства будут ощущаться в отношении писателей к телевидению.

С восторгом смотрит Человек в расширяющийся перед ним чудесный мир. Мир, в котором все так замечательно: и папа, и мама, и солнышко, и дождик, и детские передачи по радио, и книжки с картинками. Вот только читать еще Человек не умеет. Ну что ж, это беда поправима...

Николай КОСТЕНКО
КРАСНЫЙ ВЕЧЕР
Красен весь город, холмы красные, и даже тени красные. Это, наверно, от красного солнца, плывущего на закат. Это, наверно, красная осень в красное мир окрасила и поведла по классам раскидывать удивленные ребят.

А. БУСУНОК
БУРЯ БИСКАЙСКАЯ
(НА БОРТУ ТЕПЛОХОДА «ПОБЕДА»)
Дождь не уймется. Не вспыхнет медуза багрово. Ветреный полдень. Расхлябанных волн маята. Как о плетень разозленная трется корова. Яростно трется Бискайский залив о борта. Палуба наша, как Ноев ковчег, многолика: Сто языков, но друг другу не чужд ни один. Не различает сквозняк завесу дождливого лиха. Голубя с веткою вензелейных маслин. Черные волны с депи то и дело спускал.

СИЛЬНЫЙ ГОЛОС
КНИГУ стихотворений Андрея Лупана можно назвать краткой поэтической историей Молдавии. Нет, она вовсе не обращена в прошлое и автор ее ничуть не похож на умудренного споконного летописца. Но он, выйдя из работорговской крестьянской семьи, участвуя в революционном движении на территории Бессарабии тридцатых годов и потом став депутатом Верховного Совета СССР, всегда был в тусне народа и писал вместе с народом, творя живую историю.

МЕЧТА-СТРОИТЕЛЬ
ВСЯКИЙ раз, как я вспоминаю Емиллиана Букова, — а я часто думаю о моем старом товарище, — тут же возникает кусок ландшафта: водное зеркало, изумрудный берег... Комсомольское озеро — место отдыха жителей молдавской столицы, встреч молодежи. Но я не стану вдаваться в историю его сооружения. Скажу одно: предтечей Комсомольского озера была поэма. Поэму написал Емиллиан Буков, когда на месте будущего озера еще расстилался холмистый пустырь с болотцем посредине, так называемая Букованская долина. Можно только полагать автору поэмы, воплощенной в жизнь. Особое дарование — создавать песни о будущем. Герои Букова всегда мечтали, кем бы они ни были: рабочими, художниками, земледельцами. Мечтает маленький пастушок Андриеш и вместе с фантастическими добрыми силами осуществляет все свои мечты. Ветер-птица за то, что Андриеш помог ей спастись из чащи тернового леса, поет ему песню доброты и надежды: Черный Вихрь отнял у нас Песню счастья, песню света, Но таятся песни эта, В звонкой ключевой воде, В свежей, черной борозде, В золотом пшеничном поле, В нашей гордости и воле,

НА ОЧЕРЕДИ — ИСТОРИЯ ТВОРЧЕСКАЯ КРИТИКИ

И. МАШИНЦЕВ
ОБЩЕПРИЗНАНО как будто, что критика самостоятельная область творчества. «Титул «инженер человеческих душ» у нас относится к литератору. Я думаю, — заметил как-то Горький, — что критик не менее заслуживает этого титула...»

Но вот любопытный факт. Ни в одном очерке советской литературы нет глав по истории критики и литературоведения. За последние 30 лет, примерно, вообще не появлялось работ на эту тему. А ведь, по сути дела, часто невозможно понять путь писателя (а тем более литературный процесс в целом) вне литературно-критической борьбы. Приведем только два примера. К. Федин, как то говорил о влиянии на него в 20-х годах формалистских теорий «Серрапионовых братьев». «Есть у меня повесть «Анна Тимофеевна», — сказал Федин. — Недавно я перечитывал ее и за голову хватался — какая-то нарочитая игра ритмов, какой-то особый синтаксис! Самая манера письма, которая тогда представлялась мне необходимой, теперь кажется искусственной...» К этому можно прибавить, что в определенной мере влияние теорий «Серрапионовых братьев» сказалось и в «Городах и годах», и в «Братьях»...

Другой пример. Маяковский, как известно, разделял взгляды ЛЕФа до начала 1930 года. Когда окончательно ушел из этой группы, объявил ее «замкнутым в себе... эстетическим предприятием». В. Перцов отмечает крайне отрицательное влияние ЛЕФа на всех поэтов (и не только поэтов), входивших в эту группу. «Ни одно произведение Асеева, написанное в духе левовских принципов, не выжило, — пишет Перцов. — Все сколько-нибудь живое, поэтическое, индивидуальное в творчестве Асеева, Третьякова... восставало против теоретических догматов ЛЕФа. Художника Родченко погубили теории ЛЕФа. Справедливые замечания! Но как же влияли эти теории на Маяковского, вообще влияли ли? Яд лет работ Маяковского над большим прозаическим романом. И вот когда «роман доносил в уме, — признается Перцов, — на бумагу не перевел, потому что: пока дописывалось, проникал ненавистью к выдуманному и стал от себя требовать, чтобы на фамилии, чтоб на факте». Так левовская теория «литературы факта», наступив на горло поэту, лишила нас Маяковского-романиста...

Скажут: это примеры отрицательного влияния критики на писателя. Верно. Но ведь предостережениями теорий «Серрапионовых братьев», как и предостережениями левовских догм, также, в известной мере, совершалось под воздействием критики. Эстетические теории различных литературных групп советского периода были внутренне противоречивы. Наряду с верными они содержали и ошибочные положения. Теоретический фронт литературы вырастал, как и художественное творчество писателей, в трудной борьбе, на опыте развития, в частности, самого советского художественного слова. Это был живой процесс исканий, борьбы, больших подчас ошибок и — в конечном счете — беспрерывного восхождения (продолжающегося и сейчас) к высотам эстетики социалистического реализма и подлинно ленинской критики.

Как и писатель, критик развивается, преодолевая противоречия и ошибки. Это относится, в сущности, ко всем работникам нашего творческого фронта. В. Ермаков, например, заслуженно пользующийся сейчас широкой известностью, в свое время, пожалуй, наиболее ярко выразил ряд ошибочных положений РАППа. К. Зелинский был теоретиком конструктивизма. В. Шкловский, созданный в последние годы ценные марксистские работы, был в свое время лидером формализма. В. Перцов был левовским и т. д. И даже такой замечательный критик и ученый, как А. В. Луначарский, неоднократно критиковался В. И. Лениным за ошибки.

Разумеется, мы ни в какой мере не собираемся защищать право критика на ошибки. Л. Соболев справедливо заметил, что партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право писать плохо. Тем более писать неверно, — можем добавить мы. Но ведь история критики и литературоведения, как и история литературы, — не святая. Самое трудное, когда пишешь о писателе, найти не его ошибки, а то сильное и хорошее, что делает его художником. То же относится и к критикам. Между тем мы сплошь да рядом как то беспечно относимся ко многим нашим литературоведам и критикам. Да, у некоторых из них были неверная общая методология или отдельные ошибочные положения, которые они не только не преодолели, а иногда даже не сознавали. Но почему мы должны, говоря о таких больших ученых, как, например, П. Сакулин, В. Переврзев, А. Воронский, В. Жирмунский, выявлять только неверное, отрицательное в их работе?

Правда, теории названных литературоведов и критиков — не только история. Они участвуют и в сегодняшней литературной борьбе. Современные ревизионисты Запада, например, утверждают, что у Маяковского была только одна «своя» тема — тема любви. Политическая же тема его, мол, навязана. Несомненно, это воскрешение в худшем издании давнишней теории Воронского. Воронский еще в 1925 году, отрицая революционный пафос Маяковского, писал, что тема любви «Маяковский отдал свои лучшие, самые вдохновенные и сильные страницы». Только здесь, мол, «он нашел горящие, ягучие, большие, огромные слова и образы... во всей нашей отечественной поэзии едва ли найдутся стихи с такой страстностью, с такой мучкой, такие голые и обнаженные по чувству». А вот, продолжает Воронский, ведь, написанные поэтом после Октября, бледней, суше, малокровней, рассудочней «Флейты», «Человека». Теория Переврзева о невозможности духовной перестройки художника, рожденного и на всю жизнь якобы фатально прирешленного к определенной социальной среде, тоже злита на вооружение враждебного литературоведения. Отсюда выросла, например, книга американского профессора Симмонса «Русский роман и советская идеология» (1958). Симмонс доказывает, что Федин, Леонов — «дома» лишь тогда, когда пишут о прошлом: «Через все творчество Федина можно проследить элементы ностальгии о прошлом» и т. п. Формализм и сейчас выдается многими буржуазными учеными за последнее слово литературоведения. Да и у нас случаются еще подчас неожиданные рецидивы формализма: можно назвать, например, статью Н. Харджиева «Заметки о Маяковском» в № 65 «Литературного наследства».

Все это, к сожалению, так. Однако факт использования буржуазным литературоведением в своих целях слабых и неверных положений советских ученых не означает еще, что у них (советских исследователей) нет сильных, полезных для нас сторон творчества. Обратимся к В. Переврзеву. Правильно раскрыт механика творчества, своеобразия всего произведения, он трактует как историческое отражение определенного социального бытия. Правильно разоблачена его установка о фатальной якобы неизменности «природы» писателя и т. п. Но, с другой стороны, разве нет ничего ценного в его работах? У Переврзева в центре внимания — логика системы образов художника в их закономерной внутренней взаимосвязи. Он умеет удивительно зорко видеть «живую жизнь» образов писателя, их эволюцию, их единство с изобразительными средствами. И разве такое трудное и тонкое умение не существенно для сегодняшней нашей практики? Сколько у нас еще работ, которые обходят образный строй произведения, ограничиваясь идейно-политическими «выжимками»? В лучшем случае sacramентальные «художественные особенности» механически «прилагаются» к идейному анализу. И не в этом ли основной порок, в частности, школьного преподавания литературы?

А Воронский? Несомненно, идеалистична его теория «непорочности» впечатлений, как определяющего элемента искусства, осуждена его переоценка роли «попутчиков», отрицание пролетарской литературы и т. п. Но разве только одни ошибки и неверные оценки писателя характеризуют его работу? Разве нет в его книгах глубоких и верных конкретно-критических наблюдений: о стиле советских писателей 20-х годов, об их творческих путях и перепутьях в чрезвычайно сложной исторической обстановке? И разве не помог Воронский творческому росту таких известных наших писателей, как Л. Леонов, Н. Тихонов, К. Федин...

(Кстати сказать, очень интересно было бы услышать по этому поводу мнение этих писателей.) Недаром Воронский был редактором первого нашего литературно-художественного журнала. В ином плане можно сказать примерно то же о П. Сакулине. В. Жирмунском. Энциклопедическая историко-литературная эрудированность работ П. Сакулина вряд ли может быть оспариваемая, как и тонкое чувство языка художника, ценные исследования в области стиха В. Жирмунского. И вряд ли следует все это выбрасывать за борт нашего литературоведения и критики. Мы обязаны, разумеется, со всей последовательностью критиковать их ошибки, но нельзя забывать и то положительное, что есть в их работах.

История советской литературы, как живой процесс, рождающийся в трудной борьбе различных эстетических теорий, критических течений, должна быть восстановлена в своей плоти, в естестве. И только в таком виде эта история — великий урок для нашей многонациональной страны, для литераторов стран народной демократии, для прогрессивных писателей мира. И еще: жаркая с историей советской литературы, над которой сейчас много работают, пора перейти к созданию истории советской критики и литературоведения — область, в сущности, еще непочатая.

СОВЕТСКОЕ искусство признано воспитывать художественный вкус народа. Об этом неоднократно говорил Н. С. Хрущев, эту задачу ставит XXI съезд партии. Бесспорно, художественный вкус воспитывается прежде всего самими произведениями искусства. Но роль критиков и литературоведов в этой области огромна. Они должны дать теоретическое обоснование всему, что хорошо и что плохо в искусстве, должны дать оружие для эстетических оценок.

Как выполняется эта работа? Здесь прежде всего обращает на себя внимание такое явление: у нас почти нет или очень мало критических и литературоведческих работ, непосредственно обращенных к массовому читателю. В огромном большинстве случаев статьи и книги пишутся как будто специально для «литературной публики», если не для специалистов. О Горьком и Маяковском, например, написаны сотни книг и статей. Но это, как правило, работы на специальные темы и написанные трудным языком. Назвать монографию или статью, которые с интересом, увлечением читали бы рядовые культурные рабочие, учащиеся, колхозники, мудро. Да и издаются критические и литературоведческие работы сравнительно дорогими изданиями и в небольших тиражах, попадая, естественно, прежде всего в библиотеки и к тому же ограниченному кругу читателей.

Между тем у нас и сейчас есть в активе ряд книг, которые заслуживают массового распространения. Можно назвать работы Луначарского о русских и западных писателях, прекрасную книгу И. Федина «Писатель, искусство, время», книгу К. Чуковский о Некрасове, некоторые работы В. Ермакова и др. Такие работы следовало бы издавать в сокращенном подчас виде) дешевыми изданиями, расцениваемыми прежде всего на массового покупателя, по типу «роман-газеты». С другой стороны, и критики должны, несомненно, писать свои работы более доходчивым языком, разнообразя жанры, вводя как важное композиционное начало критическую «сюжетность», добываясь предельной ясности языка и вместе с тем нисколько не поступаясь научной обоснованностью. Критик не имеет права забывать, что самая высокая честь для него, смысл

СЕМИДЕСЯТИЛЕТЬЕ К. ИВАНОВА
Пять тысяч человек — целое людское море собралось 28 мая у памятника Константину Ивановичу Леонидовичу Трудинскому Чувашин торжественно отмечали 70-летие со дня рождения классика национальной литературы. На митинге выступили председатель правления Союза писателей Чувашин П. Хузангай, главный режиссер Чувашского государственного музыкально-драматического театра имени К. Иванова Б. Марков, студента пединститута Р. Васильева, руководитель бригады коммунистического труда хлотовобудоманного комбината А. Михайлова главный технолог завода железовитонных изделий Г. Яковлев. Вечером в актовом зале педагогического института состоялось торжественное заседание.

РЕПЛИКИ Гормоны и музы
ИНОЙ фельетонист стал бы, может быть, интриговать читателя: сначала предложил бы его вниманию дикие цитаты; потом иронически прокомментировал их, заменяя в крайнем случае игру ума восторженным и восклицательным знаками, заключенными в скобки; и под конец сообщил бы, откуда взяты эти цитаты, где, как и в каком виде, постепенно овладевает. Казалось бы, все это было на своих местах. Но вместо автора к художественной литературе идет новая вспышка: вдруг следует цитата из Горького. Однако профессор спохватывается. И сейчас же вслед за поэтическими словами Горького о прекрасных глазах женщины — родителницы и тут два строго профессиональных абзаца об огромной роли женских половых гормонов в нормальной жизнедеятельности. Этих двух абзацев мы не станем цитировать. А следующий за ними приведет полностью, так как намерены полемизировать с ним. «Половые гормоны оказывают влияние на развитие и проявление не только физических, но и психических особенностей. Женщины в большинстве своем впечатлительны и эмоциональны, отзывчивы и внимательны к окружающим. Взять для примера хотя бы наших медлительных сестер и санитарок. Сколько самоотверженности, настоящего героизма проявили они в го-

до Великой Отечественной войны». И тут же проф. Иванский сообщает, что одну из особенностей женского организма составляет развитие подкожного жирового слоя... Но вернемся к процитированному абзацу. Он вызывает серьезное несогласие. Истоки героизма медсестер и санитарок в Отечественной войне, на наш взгляд, иные, чем полагает автор статьи. Мы думаем, что истоки подвига, упомянутого профессором, — патриотизм женщин и девушек, воспитанных Советской властью, а не во влиянии половых гормонов на развитие и проявление психических особенностей. Но что же привлекло редакцию «Здоровья» в статье «Особенности организма женщины»? Наверно, особенности дарования автора. Есть ведь люди, отлично изучившие организм женщины, но, увы, равнодушные к литературе и искусству. Есть, напротив, тонкие ценители изданных искусств, в своей области, можно сказать, зрудиты, но организм женщины знают крайне слабо... А тут — оба качества, и в добротном слове! Так, верно, и решили в редакции «Здоровья»... Остается добавить, что стиль автора наложил отпечаток и на оформление статьи. Абзацы о роли женских половых гормонов иллюстрированы репродукцией скульптурной группы М. Манисера.

В. МАКСИМОВ

всей его работы в том и заключается, чтобы донести до массового читателя, воспитывать его.

Плохо обстоит у нас дело с био-библиографией. Кажется, единственно Н. Мацуев подвигиически продолжает эту работу, если не считать официальные издания Книжной палаты. Но одного Мацуева явно мало. Да он много, естественно, и не охватывает. Стыдно признаться: у нас до сих пор нет сколько-нибудь полного био-библиографического справочника по литераторам народов СССР.

Известная «Литература великого десятилетия (1917—1927)» И. Владислава могла бы быть продолжена в том же стиле на следующие три десятилетия: в отличие от египетского Мацуева, это дело бы в руки читателя было бы компетентный справочник, включая краткую биографию писателя.

Совершенно не хватает специальных справочников по критике, теории литературы, литературоведению. Единственный опыт создания синхронистических таблиц советской литературы (Е. Никитина «Русская литература от символизма до наших дней», М. 1926) никем до сих пор не продолжен.

Наведение порядка в био-библиографическом хозяйстве принесло бы великую пользу и читателю, и писателю, преподавателям школ, библиотекарям, работникам тех самых издательств, которые так невинительно относятся к собственному же своему хозяйству. Внимание к био-библиографии привлекло бы молодые силы. Ведь библиографы тоже стареют и выбывают из строя. Справедливость требует добавить: за последнее время намечается некоторый сдвиг в расширяющейся области. Выпущенный Институтом мировой литературы имени Горького первый том «Истории русской советской литературы» содержит главы о критике двадцатых годов (в статье Л. Тимофеева «Введение»). «Хронику литературной жизни», статью «Литературные журналы 1917—1929 г.» (Н. Дикуншин). Институт совместно с Фундаментальной библиотекой по общественным наукам Академии наук СССР готовит био-библиографию критики и литературоведения за послереволюционный период. Библиотека имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград) подготавливает к печати четырехтомный библиографический справочник писателей советских прозаиков. Гослитиздат выпустил сборник писательских автобиографий. Все это, несомненно, ценные начинания, но вместе с тем напла в море той громадной и многообразной работы, на которую пора уже обратить серьезное внимание.

Гор. КУВЫШЕВ
ВАН КЛИБЕРН: «Я ОТЛИЧНО СЕБЯ ЧУВСТВУЮ В МОСКВЕ»
ИЗВЕСТНЫЙ американский пианист Ван Клиберн уже несколько дней гостит в Москве. Ван Клиберн и антрепренер Сола Юрок приняли корреспондента «Литературной газеты».

— Как вы себя чувствуете в Москве? — спросил мы замечательного музыканта. — Мои первые дни в Москве — прекрасны! Друзья встретили меня очень сердечно — и это меня воодушевило. В аэропорту, на московских улицах и в гостинице — везде я чувствую себя и чувствую себя отлично. Все в Москве цветет, и, признаюсь, я тоже остро ощущаю эту чудесную весну. Но главное, конечно, — это дружеское, приветливое отношение людей, которых я считал и считал своими друзьями. Кстати говоря, они писали мне в Штаты... — Часто? — Весьма! Особенно в ту пору, когда у меня заболела рука и мне пришлось лечиться в клинике... Я получаю тогда много теплых, ободряющих писем из Советского Союза. Большую моральную поддержку оказали мне и мои друзья — советские музыканты, с которыми я, кстати, встречался у нас, в Штатах.

Антрепренер Сола Юрок заметил, что на 13 концертов советского оркестра в Нью-Йорке присутствовало примерно столько же слушателей, сколько обычно посещает концерты местного филармонического оркестра за пять лет. — В Америке, — говорит Клиберн, — за эти два года я встречался и со многими другими советскими людьми — государственными деятелями и просто туристами. — Каковы ваши творческие планы? — Планы? Что о них сказать... Буду играть! Рука уже давно зажила, чувствую себя отлично и с нетерпением жду встречи с советскими людьми в концертных залах. Впрочем, полнее об этом, видимо, может рассказать мистер Юрок...

— Меня очень радует, — сказал Сола Юрок, — что нас снова тепло встретили в Советском Союзе. Между прочим, за несколько дней до вылета из Нью-Йорка в Москву я был в Вашингтоне, в государственном департаменте, и один из его сотрудников, занимающийся культурным обменом, сказал мне: «Мистер Юрок, поезжайте в Москву и сделайте все, чтобы продолжить культурный обмен между нашими странами...» Заметив в заключение короткой беседы, что до первого концерта в Москве осталось несколько дней напряженной работы за ролям («хочется встретиться с друзьями в должной форме»), Ван Клиберн написал и передал нам следующую коротенькую записку: «Всем читателям «Литературной газеты». Прими мои наилучшие пожелания. Я всем сердцем надеюсь, что вскоре смогу вас приветствовать лично.

Ван КЛИБЕРН.
Вечер, посвященный Витезлаву Незвалу
Вчера в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный творчеству выдающегося чешского поэта Витезлава Незвала (в связи с 60-летием со дня рождения). Открыл вечер, Степан Цицлава отметил большую роль Витезлава Незвала в развитии современной чехословацкой поэзии. О жизни и творчестве поэта рассказал Семен Кирсанов. Участники вечера горячо приветствовали выдающегося поэта Витезлава Незвала, посла Чехословацкой Народной Республики Рихарда Дворжана и сотрудников посольства. Вечер приняли участие: чешский писатель И. В. Плева, научный сотрудник Института славяноведения Академии наук СССР Будова Л. Яковлев, переводчик Бугаевский М. А., Хелменский Я. А., Курдюмов М. П., Николаев В. Д., Самойлов Д. С., Ботаник С. В., Исаев И. В.

Вернер ЛИНДЕМАНН, немецкий поэт (ГДР)

ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ

Записаны в Западной Германии

ЖАЛУЕТСЯ

Сказала мама: нужно спать. Возьми вот и обидься.

Весь день один — марш в кровать. Совсем ее не вижу.

Она работает до ночи. Где стиральные машины. Одному мне скучно очень. День-то длинный!

Сказала мама: нужно жить... Как это, не пойму. Тихонько плачет, а ты лежи и думай: почему?

НЕ ПОНИМАЕТ СЛОВА

На кладбище там камень есть. На камне — имена. Я их не могу прочесть. Мне синю надпись не видна.

Их вслух читал мой друг. Мы все читали не стали. Они все пады, он сказал. Что это значит: пады?

Мама, видишь стальную каску. Над тем крестом? Не надо смотреть. Идем.

Мама, откуда эта могилка. Среди полей? Не спрашивай, милый. Скорей.

Мама, достань мне каску... Что же ты молчишь? Нет, никогда. Малыш.

ПОМОГ КУПИТЬ СИГАРЕТЫ

Я нынче видел одного — Он был совсем безногий; Я этого мужчину Увидел на дороге.

Хотел купить он сигареты, Но оказался мал. Тогда он дал мне деньги, А я их передал.

И дал тогда безногий Мне несколько монет... Я не хотел бы жить без ног. Как тот мужчина, — нет!

РУГАЕТ ОДНОГО МУЖЧИНУ

Сегодня ехало много машин, А сколько было пыли! Только ехали они не на шинах, Они на цепях были.

В них сидели американцы, А сверху — броня стальная. Они говорили, а что — не знаю.

Я стоял на площади у церкви. Они прозвонили мимо. И еще там было много детей. И много шума и дыму.

И там проходил мужчина один. Он этих машин не боялся. Он был плохой: он их ругал. Мама, зачем он ругался?

Перевал с немецкого В. ХОРВАТ

ОНИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ!

И тогда Человек узнает, кто и почему расстреливал детей на улицах польских городов, кто и зачем готовит новую кошмарную войну, — тогда он поймет, что за счастье надо бороться!

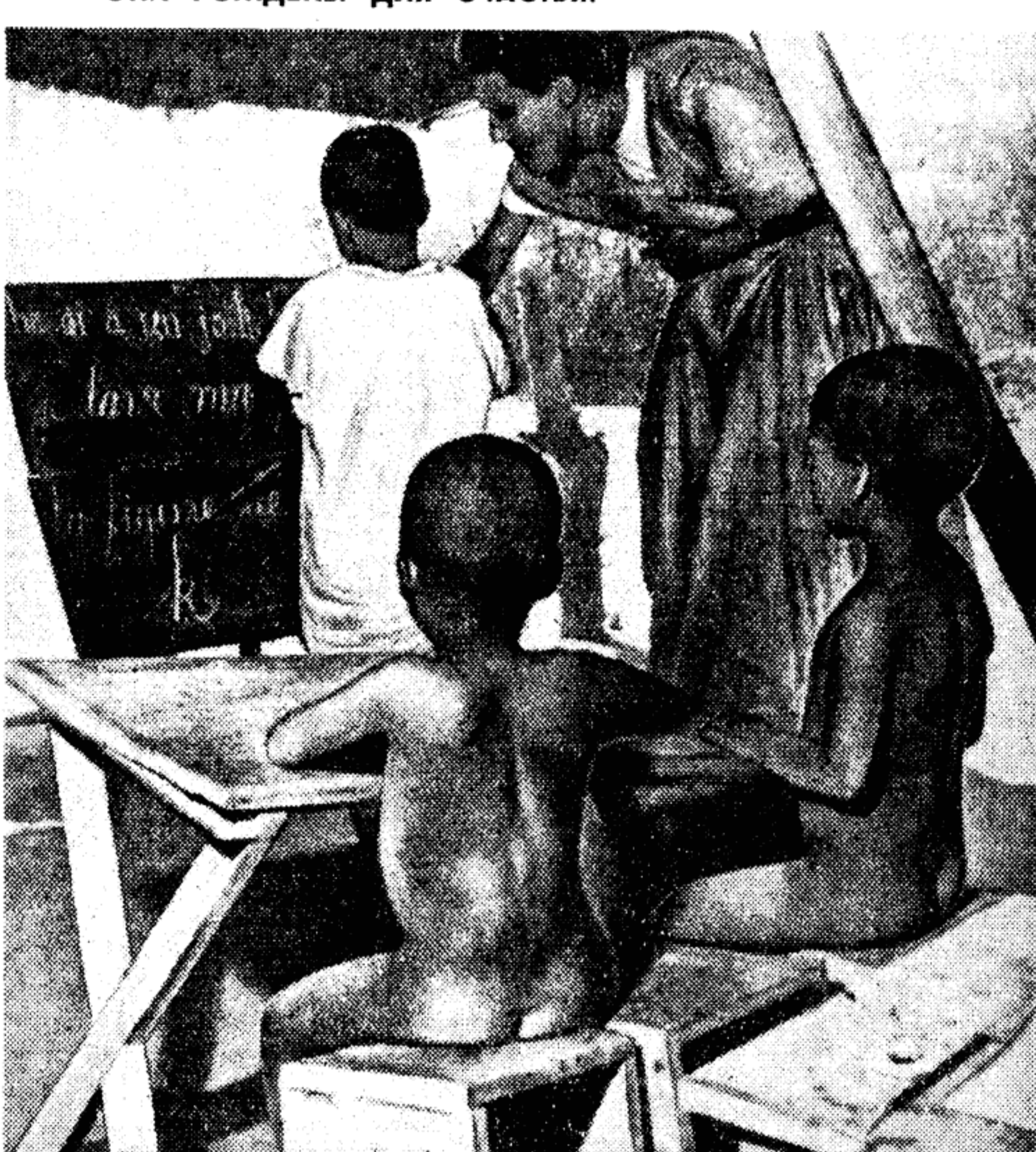
Фото из польского альбома «Мы не забыли»

«...В СЮ войну я учусь сам. дома. А когда вспоминаю, как ходил в школу, мне хочется плакать... Когда я вспоминаю, какие войны ведутся в мире, сколько людей каждый день гибнет от пули, от газов, от бомб, от эпидемий и от других врагов человечества, то пропадает охота ко всему!»

Эти слова написаны двадцать лет назад. Они выведены неровным, крупным почерком, неуверенной детской рукой в одной из пяти тоненьких ученических тетрадей, которые были найдены несколько месяцев назад в польском городке Бодзентине. Тетради заполнены дневниковыми записками 14-летнего еврейского мальчика Давида Рубиновича и являются собою один из потрясающих человеческих документов прошлой войны.

Надо собрать в едином томе все наиболее грозные свидетельства о войне, переписанные детьми. Надо, чтобы полтора десятилетия назад! Надо, чтобы со страниц этого тома слышались, мощно со страниц аккордом прозвучали голоса утверждающие величие и силу разума человека, обличающие подлость, преступную природу фашизма. И в этой книге должны клятвам папиловцев и последним слов, сказанным Зофи Осмондьянской, после надписей, оставленных на стенах Вресьской крепости ее защитниками, и предсмертных слов молодого еврейца, после «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика и «Дневника Анны Франк» найдется место дневнику Давида Рубиновича,

ОНИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ!

Прходит время — и Человек познает первую радость грамоты. Но еще много раз день сменится ночью, пока он сможет читать книги о других странах, пока он узнает, что не везде дети учатся вот в таких «классных комнатах», не всюду их мучит голод. А еще больше времени потребуется, пока Человек поймет, что же надо делать, чтобы повсюду жилось хорошо, без слез, горя и голода...

Фото Ф. Бергса и Б. Бьернбеля из альбома «Дети на земном шаре»

Дети шахтеров — поколение неграмотных в Японии

Под таким заголовком японская газета «Джапан таймс» поместила следуюшую корреспонденцию Тосио СИМАНАКА из города Фукуока.

Местные дети остаются без образования, причем не по своей вине. Депрессия в угольной промышленности многих обрела на голод и нищету. Но никто так не пострадал от нее, как дети, ибо их будущее поставлено под угрозу.

Среди безработных горняков Северного Кюсю распространено заблуждение, которое они называют «болезнью бедняков». Эта болезнь вызывается недостатком питания, и ее симптом — потеря воли. Болезнь переходит от шахтеров к членам их семей, и сейчас учителя начинают ощущать ее последствия.

Ужасная нищета, которую принесла безработица, лишает людей всякой энергии и ставит под угрозу сырая даже обязательное обучение, предусмотренное законом. Удручающая нищета вызывает горечь у юного поколения.

Ученица 6-го класса пишет в школьном сочинении: «Здесь люди говорят только об угольных шахтах. Женщины в нашей округе жалуются, что компания не платит денег, и спрашивают, что же делает ее президент.

По-моему, надо ни хоть изредка поговорить о чем-нибудь таком, что приносит радость.

Даже малыши-первоклассники говорят только о шахтах. Я ненавижу шахты. Мой отец и брат проработали там всю жизнь, а теперь ничего не получают. И общество допускает это. Я надеюсь, что общество может стать хорошим, и люди будут помогать друг другу».

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

внезапно ворвалось страшное слово «война» и игры мальчика сменились мрачными заботами взрослого, детство — трудной зрелостью, жизнь — умиранием. Нам известно, что подростка Давида вместе с семьей заставили переехать из деревни в городок Бодзентин, что им запретили выходить за пределы городка.

А когда, казалось, уже нельзя было и придумать новых издевательств и уничижительных ограничений, раздался сигнальный звук трубы, и жандармы напали охоту на людей. Как и многих других Давид втолкнули в грязный вагон. Давид двинулся, унося мальчика в последний путь — в Майданек. Давид Рубинович погиб в Майданеке. Единственное, что оставил он людям, — пять тоненьких ученических тетрадей.

О их существовании никто не подозревал. Да и никому было над этим задумываться — вся семья была уничтожена. Наверное, подросток, лишенный каких бы то ни было игр и развлечения, вынужденный в одиночестве размышлять и осмысливать происходившее, тайком от окружающих с марта 1940 года до лета 1942 года делал свои немногословные записки. В спешке собирая нехитрые пожитки и, может быть, предчувствуя, что дневник огненный станет единственной ниточкой, связывающей его с внешним миром, с жизнью, Давид оставил его в доме. Кто-то припрятал его на чердаке и забыл, кто-то нашел и не обратил внимания, и, наконец, польская женщина Хелена Вольчик, вычитавшая в его строки, была потрясена ими.

Дневник Давида Рубиновича опубликован в польском журнале «Творчество» в отрывках — в целом ряде польских и зарубежных газет.

Пять тоненьких ученических тетрадей, исписанных неуловимым, детским почерком. — Это много. Играть их, испытываясь приступом ненависти к тем, кто заставил Давида начать писать дневник, кто не дал ему закончить его...

«Одного несчастья мало, — пишет Давид в дневнике, — должно прийти несколько сразу, и только тогда они подавят человека».

Давид не догадывался, как неправ он был по отношению к самому себе. Беда за бедой, несчастье за несчастьем обрушивались на его неокрепшие плечи,

Сейчас в Америке

Вот что пишет корреспондентка американской газеты «Нью-Йорк пост» Ферн Маржа о судьбе детей шахтеров в Соединенных Штатах:

Это происходит сейчас в Америке. Есть дети, которые голодают.

Есть дети, которые страдают от недоедания.

Есть дети, которые нуждаются в медицинской помощи, но не получают ее.

И есть дети, которые не посещают школу или лишь бросают ее, так как им нечего одеть, а иногда нет даже мыла для стирки той одежды, которая имеется.

И все это происходит сейчас в Соединенных Штатах Америки, в штате Западной Вирджиния.

Именно в штате Западной Вирджиния, в полуразвалившихся лагунах, теснящихся вдоль узких, грязных дорог, проходящих близ мутных рек, в лагунах, часто смитых со всех сторон грязно-серыми отвалами породы, выброшенной из шахт, живут люди, с каждым днем становящиеся все более мрачными; они питаются бобами — «горняцкий клубничкой» — и жаду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Сейчас в Америке

Вот что пишет корреспондентка американской газеты «Нью-Йорк пост» Ферн Маржа о судьбе детей шахтеров в Соединенных Штатах:

Это происходит сейчас в Америке. Есть дети, которые голодают.

Есть дети, которые страдают от недоедания.

Есть дети, которые нуждаются в медицинской помощи, но не получают ее.

И есть дети, которые не посещают школу или лишь бросают ее, так как им нечего одеть, а иногда нет даже мыла для стирки той одежды, которая имеется.

И все это происходит сейчас в Соединенных Штатах Америки, в штате Западной Вирджиния.

Именно в штате Западной Вирджиния, в полуразвалившихся лагунах, теснящихся вдоль узких, грязных дорог, проходящих близ мутных рек, в лагунах, часто смитых со всех сторон грязно-серыми отвалами породы, выброшенной из шахт, живут люди, с каждым днем становящиеся все более мрачными; они питаются бобами — «горняцкий клубничкой» — и жаду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

Пятиклассница из города Ямада первые три года учебы была одной из лучших в классе. Но сейчас отметки у нее стали хуже, потому что ей приходится один день учиться, а другой — работать. Такие случаи нередки. В районе Цякую они обычны.

Узнав о бедственном положении в этом шахтерском городке, двое школьников из Кобе послали в Фукуока, где находится центр по проведению сбора средств в фонд «Черного пера», немного денег и письмо, в котором пишут: «Ведь все люди одинаковы, так почему же у некоторых жизнь такая трудная?»

Разумеется, родители хотели бы приобрести детям все, что нужно для школы. Однако об этом не может быть и речи. По сути дела, им нередко приходится продавать одежду детей, чтобы купить еду...

Один из второклассников, обучающийся в начальной школе округа Тава, каждый день на час опаздывает на уроки. Ему приходится выбирать из груды шлака куски угля, которые затем идут в продажу, и тем самым пополняют бюджет семьи.

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА И РАКЕТА

Недавно в английском парламенте была рассмотрена «стреловидная история», которая должна была вызвать краску стыда на лицах министров. Некая добросердечная вдова, проживающая в Ланкашире, узнала из газет, что учащиеся сельской школы в Эморе (графство Сомерсет) вынуждены заниматься при керосиновой лампе, и вывозила уплатить из своих личных сбережений 80 фунтов стерлингов, требующихся для того, чтобы провести в школе электричество. «Надеюсь, — заявил депутат-лейборист Антони Гринвуд, обращаясь к министру просвещения Дэвиду Эклзу, — эта лепта вдовы пристыдила вас?»

Как известно, английские власти не моргнув глазом, недавно признались, что 100 миллионов фунтов стерлингов, выхваченные из карманов налогоплательщиков на создание ракеты «Блю стрик», оказались выброшенными на ветер.

Правительство, подчеркнул А. Гринвуд, способно с легкостью расточать деньги на оружие, но оно не в состоянии изыскать 10—20 миллионов фунтов стерлингов для наших детей, лишенных всякой заботы.

«Что это за неразбериха царит в нашем мире, — воскликнул он, обращаясь к депутатам. — Русские могут послать ракету на Луну, а наше министерство просвещения не способно провести электричество в сельскую школу!»

Вот что пишет корреспондентка американской газеты «Нью-Йорк пост» Ферн Маржа о судьбе детей шахтеров в Соединенных Штатах:

Это происходит сейчас в Америке. Есть дети, которые голодают.

Есть дети, которые страдают от недоедания.

Есть дети, которые нуждаются в медицинской помощи, но не получают ее.

И есть дети, которые не посещают школу или лишь бросают ее, так как им нечего одеть, а иногда нет даже мыла для стирки той одежды, которая имеется.

И все это происходит сейчас в Соединенных Штатах Америки, в штате Западной Вирджиния.

Именно в штате Западной Вирджиния, в полуразвалившихся лагунах, теснящихся вдоль узких,